

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Когда-то, еще в школьные годы, открыв тоненькую книжечку Афиногенова с ласковым названием «Машенька», я словно бы познакомился с нею. Но до встречи еще было двадцать лет.

Затем, в театральном училище, поделившись мечтой сыграть Окаемова в афиногеновской пьесе со своим педагогом, народным артистом РСФСР Рафаилом Ростининым (лучшим, как говорили о нем, актером оперетты на всю Одессу и Ростов), услышал в ответ:

— С годами ты, может быть, и сыграешь профессора Окаемова, но такой Машеньки, как одна моя подруга детства, у тебя все равно не будет.

Рафаил Брониславович иногда рассказывал о ней, называя по имени — Машенька, но никогда не называл фамилию...

Прошли годы. Приехав на работу в Шадринск, не знаю почему, я спросил у Жилицкой:

— Вы не знакомы с Ростининым?

Мария Львовна удивленно посмотрела на меня и вдруг громко всхлинула:

— С Ростининым? Ростиником? Как же! Это ведь...

И полилась грустная беседа...

Я удивился тогда и всегда удивлялся впоследствии этой особенности ее радоваться и грустить одновременно. Удивляет меня и ее непосредственное, словно сохранившееся с детства восприятие действительности.

Однажды пришла на репетицию «Мамаша Кураж» в черном, нарядном платье. Актёр, которому по ходу спектакля нужно падать «замерть», никак не мог выполнить мизансцену. Жилицкая выбежала на сцену и крикнула:

— Стреляйте в меня!

В ее «выстрелили». Она медленно повернулась в ту сторону, откуда прозвучал выстрел, и рухнула наземь в своем нарядном платье. А уже после спрашивала:

— Ну, как я упала? Похоже было, что меня «убили»?

Работая главным режиссером в Шадринске, жила в гостинице. И когда сей предлагали очередную квартиру, отда-

вала ее актерам, объясняя:

— Я одна. Мне и в гостинице хорошо.

Раньше в Москве, в конце лета, в каком-либо из дворцов культуры собирались актеры и режиссеры. Здесь происходило знакомство руководителей периферийных театров с творческими работниками, желающими попробовать себя на другой сцене. Участвуя в хлопотах этого консультационного пункта, М. Л. Жилицкая всегда кого-то устраивает, о ком-то печется, кому-то помогает. Помню, спросил ее об одном актере:

— Он причинил вам столько неприятностей, почему вы заботитесь о нем?

Она ответила просто:

— Мало ли кто из нас кому доставляет неприятности. Актер хороший. Нельзя, чтобы он остался без дела.

Говорить и писать о ней трудно. Ибо не доводилось мне встречать натуры более цельной и одновременно более противоречивой. Впрочем, противоречие это скорее кажущееся, так как вся ее жизнь — это репетиции и спектакли, что уже само по себе предполагает вечный поиск. А в поиске истины у Жилицкой не бывает повторений.

Вспоминаю и удивляюсь неистощимому запасу энергии и юмора, что излучала Мария Львовна в бытность свою в Шадринске. Пропало более десяти лет, а она все так же «песосторожна» в суждениях, категорична в оценках. По-прежнему истерпима ко всему косному и пошлому, к человеческой лени и глупости, нераспорядительности. И конечно же, несложно работать с нею, ибо подле нее нельзя отывать время — нужно трудиться до пота, нужно находиться в постоянной форме. И не важно, на кого устремлен в данный момент ее взгляд. На актиста ли, администратора, бухгалтера ли — все обязаны отдавать без остатка жар своей души театру. Не помню случая, чтобы режиссер Жилицкая отменила репетицию. Репетиция для нее святыня. Иногда вижу — больна! Как, думаю, станет она репетировать? Но звенит третий звонок. Актеры выстраиваются на исходную мизансцену, и режиссер начинает

очередную репетицию, словно тренер последнюю тренировку перед ответственным матчем. Кстати, у спортсмена очень много общего с искусством, утверждает Мария Львовна.

Жилицкая лишена стереотипа мышления, присущего людям, перешагнувшим определенный жизненный рубеж. Прошлый опыт не довлеет над ней в отрицательном смысле. И мне думается, именно в этом заключается секрет ее неподъемной молодости, свежести восприятия окружающего мира. Порою мне кажется, что если бы Астрид Линдгрен не написала своего Карлсона, то его придумала бы Мария Львовна.

В Шадринском театре мне почастливилось сыграть роль Карлсона (газеты, кстати, отзывались о спектакле с большой похвалой). Теперь, по прошествии стольких лет, я, положа руку на сердце, могу сказать, что успехом своим обязан был режиссеру.

Для Жилицкой шадринский период — восьмь творческого взлета.

Планета кровоточит вьетнамской трагедией, рвутся бомбы на Ближнем Востоке, предательски убит Сальвадор Альенде. Эти события зарождают у нее, вдумчивого художника, огромное желание спасти свое «нет» войне. Постепенно вырисовывается замысел постановки по известной антивоенной пьесе Брехта «Мамаша Кураж». И вот режиссер, известная ранее склонностью к спектаклям интимным, исследующим глубины человеческой души в произведениях Достоевского, Бампилова, Рошина, Розова, занимается в «Мамаше Кураж» до осмысления проблем общечеловеческих. За эту постановку режиссер вместе с художником Валентиной Ваксман в числе десяти крупнейших деятелей советского театра награждены дипломом Министерства культуры ГДР по итогам смотра драматургии братской страны в СССР. А исполнительница центральной роли Е. К. Васильева была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР. Впоследствии покойная Е. К. Васильева писала Жилицкой: «Дорогая моя, любимая! Режиссер

мой единственный... Мария Львовна, примите мой низкий поклон за недавно полученное мною почетное звание. Только Вам я обязана...».

Спектакль этот сегодня стал легендой... Пространство сцены первично очерчено листами из ржавой жести. Из этой же ржавой жести изготовлены боевые доспехи воинов. Красный свет прожекторов дополнял кровавую вакханалию. Играли без грима. Таков был приказ художника и режиссера. Бледные лица мертвцев и такие же безжизненные лица тех, кого война еще не успела сожрать. Лошадь пала, и фургон мамаша Кураж тащат сама она и ее сыновья. В минуты затишья идет бойкая торговля вином, табаком, нехитрой утварью и всем, чем мамаша-маркиантка сумела поживиться в тех местах, где пронеслась война. Гибнут один за другим старший и младший сыновья. Гибнет дочь, а Кураж, не успев утереть слезы, таится дальше, вслед за уходящей войной, павстречу собственной гибели.

Этой пьесой Брехта заканчивается шадринский период режиссера Жилицкой. Остались позади Вахтанговское училище (режиссерский факультет), более ста ролей, сыгранных ею, в бытность актрисой в театрах Урала и Сибири, и пятьдесят постановок в Казани, Челябинске, Златоусте, Шадринске и других городах.

В Кургане ее творческая биография оказалась не менее плодотворной. «Мери Поппинс» — чудесная сказка, которую показал нам Курганский театр, говорилось в одной рецензии:

«Счастье сопереживать» — так отзывались о другом детском спектакле «Емелино счастье». «Драма из-за лирики» — заметный спектакль в репертуаре театра. А трепетное, словно написанное акварелью действие в «Притворщиках»? Или один из лучших спектаклей курганской сцены «Ретро»? Это все постановки режиссера Жилицкой.

Счастье никогда не бывает легким. За свое счастье нужно уметь бороться. Отстаивать свою правоту, если ты действительно прав. Таково жизненное и сценическое кредо режиссера.

Каждый день она в театре. Даже если нет репетиции, она приходит сюда, чтобы увидеть своих любимых артистов: Б. А. Колпакова, Л. М. Мамонтову, В. А. Ионова...

Как-то на гастролях мы получили известие о трагической смерти нашего общего друга и товарища Рафайла Ростинина. Она призналась:

— Как жаль, что у меня не было детей... Поэтому, может быть, артисты, с которыми я работаю, для меня словно дети. Одни из них послушны, другие — шалуны, а третьи, как говорится, «отбились от рук». С этими труднее всего, но они самые дорогие.

Однажды летом, еще будучи девчонкой, Маша Жилицкая отдыхала на подмосковной даче у писательницы Сейфуллиной. (Между семьями существовала дружба еще с Оренбурга). К ним в гости приехал драматург Афиногенов. Он читал свою новую, еще не законченную пьесу. Пьеса понравилась.

— Вот только имя для своей героини никак не найду, — пожаловался Афиногенов. А когда на своем автомобиле собрался уезжать, Сейфуллина спросила, не в Москву ли он сейчас. Оказалось, да.

— Возьми тогда с собой Машеньку...

— Машеньку? Вот как назову я свою пьесу!

Эту историю я узнал случайно в Москве и подивился тогда. Надо же! Сколько писателей, драматургов, артистов, ученых знает Мария Львовна. (училась, к примеру, у самого Бориса Захавы — крупнейшего советского режиссера и педагога), но никогда не слышал я от нее ссылки на чей-то высокий авторитет. За исключением авторов, чьи произведения она в данный момент переводила на язык сцены. Может быть, к чужим авторитетам прибегают тогда, когда не верят в собственный?

Мария Львовна Жилицкая полна энергии и молодого задора. Она верит в себя. В свою звезду. Верит в то, что лучший ее спектакль еще не поставлен. Поверим и мы. И пусть так будет!

Ю. СОЛЯРИС,
член художественного совета
облдрамтеатра.